

В. Л. Пянкевич

«Симфония войны».

Звуки и тишина блокадного Ленинграда в восприятии горожан

Чувственный опыт восприятия войны и осады — важная проблема в реконструкции истории блокадного Ленинграда. Акустический образ города в катастрофе имел особое значение для ленинградцев, переживших «жестокое испытание — голодом, холодом, темнотой, бессонницей, дьявольски оглушительным шумом, треском, гулом»¹. В настоящей статье представлена попытка анализа звукового образа осады, запечатленного в дневниковых записях, письмах, воспоминаниях, интервью блокадников, а также эмоций, вызванных звуками военного времени.

«Тихо, зловеще тихо»

Особая тишина наступила в Ленинграде 22 июня 1941 г. после знаменитого выступления народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова. Услышанное прервало отдых многих ленинградцев. «Парк пустеет, воцаряется непривычная для воскресного дня тишина, люди собираются около репродукторов большими толпами и молча слушают. Комментариев нет, только настороженное молчание и тревога»². Хотя в Ленинграде по инерции продолжалась полумирная жизнь, городской шум стал стихать, а ощущение тревоги нарастало. «Город, его дома, площади, улицы, казалось, начинали жить сами по себе и вели между собой беззвучный, только им понятный разговор о себе, о том, что происходило. Но таких моментов тишины становилось всё меньше»³. Наблюдая укрытие памятника Петру Великому на набережной Невы и рытье траншей в Румянцевском сквере, директор Архива АН СССР Г. А. Князев 2 июля записал: «Тихо, зловеще тихо. И вот когда-то придет час и такую тишину будет разрывать страшный треск. Начнутся пожары. Завалятся в развалинах громадные дома под ударами фугасных бомб»⁴. Впрочем, даже проникательный историк не мог предвидеть мертвого безмолвия, которое охватит город полгода спустя.

В летние месяцы 1941 г. звуки реальных военных действий были не слышны, но ленинградцы ощущали временность тишины. «Каждый день ждали налетов и бомбежек. Но в Ленинграде пока было тихо»⁵. Это была, как чувствовали многие, необычная тишина не покоя, но скорее угрозы. Через месяц после начала войны И. Д. Зеленская записала в дневнике: «Во время тревог, особенно дневных, поражает необычная тишина притаившегося города. Сразу становится слышно птичье чириканье в деревьях на дворе, отдельные человеческие голоса доносятся с особой отчетливостью и даже собачий лай откуда-то. Но это другая тишина»⁶.

«Он давил, угнетал, бил по мозгам, казалось, что внутри что-то разрывается»

В течение почти двух с половиной лет постоянным звуковым фоном города стал вой сирен. Впервые сигнал воздушной тревоги прозвучал в Ленинграде в ночь на 23 июня 1941 г. в 01:45. «В первую же ночь завывали сирены. Воздушная тревога! Не учебная, а боевая... Но, на счастье, бомбы в ту ночь на Ленинград не упали»⁷. В июне 1941 г. ленинградцев взволновали еще три тревоги, в июле они прозвучали 45 раз, а в августе — 21⁸. В последнем предблокадном месяце, «случалось, тревогу объявляли в день несколько раз... В жизнь вошли новые звуки, лающий голос зенитных орудий, стук осколков зенитных снарядов по крышам, ликующая мелодия трубы и голос диктора: “Отбой воздушной тревоги!”»⁹.

Первым военным летом акустическая палитра города представляла собой парадоксальное соединение звуков войны и мира. Такое же психоакустическое явление сохранялось в восприятии блокадников в самый тяжелый период осады. «Сейчас, когда пишу, солнце лезет в мое окно. Пронесятся стрижи над крышей. На дворе ребячий крик и стук молотков. Визжит где-то там за углом дома трамвай. Всё как будто хорошо и идиллически мирно. Но всё время ждешь пронзительного звука сирены — потом пауза — потом глухие звуки зениток. Правда, к этому привыкли и реагируют по-деловому, без паники и легкомыслия»¹⁰. Соединение звуков города, природы и войны в одну фоновую картину ленинградцы отмечали и потом: «...неожиданно чудесный воздух прорезали омерзительные звуки полета снарядов» (февраль 1942 г.)¹¹, «...вчера сквозь чудесную весеннюю тишину, сквозь идиллический щебет пташек изредка прорывались одинокие далекие залпы» (март 1942 г.)¹², «...на улицах нет никакого движения. Тишина улицы и природы резко контрастирует с разрывами» (июль 1943 г.)¹³.

С военизацией обстановки, повышением уровня тревожности и готовности города и горожан к опасности звуковая картина Ленинграда преобразалась. По приказу начальника МПВО Ленинграда Е. С. Лагуткина, опубликованному в «Ленинградской правде» 27 июня 1941 г. в связи с введением в городе

угрожаемого положения, были установлены сигналы воздушной тревоги звуками электросирен, гудками фабрик, заводов, пароходов и паровозов. Такие сигналы должны были несколько раз дублироваться по радио вместе со словами «воздушная тревога». Сигнал «отбой воздушной тревоги» должен был несколько раз передаваться также по радиосети по окончании непосредственной угрозы воздушного нападения. В городе запрещалась подача сигналов для других целей, кроме оповещения о воздушной тревоге. Все наружные репродукторы городского радио должны были быть включены круглые сутки¹⁴. Впрочем, дублирование сигнала «воздушная тревога» гудками на предприятиях и судах производилось лишь в первое время войны¹⁵. «Кольцо блокады смыкалось. Наступила какая-то странная тишина. Никто никуда не спешил. Опустели улицы, площади, исчезла даже многоголосая толпа у Октябрьского вокзала»¹⁶. Всё изменилось 4–6 сентября 1941 г., когда в Ленинграде начали разрываться снаряды, а затем бомбы. 8 сентября немецкая авиация провела первый массированный налет на Ленинград. «Вокруг всё рушилось и громыhalo, выли сирены... Каждому из нас казалось, что это именно около него рушится мир, настал конец света»¹⁷.

Звуки сирен, обстрелов и бомбежек не давали уснуть. Ночью усиливались страх и чувство одиночества, обострялась восприимчивость: звуки травмировали, лишая ленинградцев последних сил. «С наступлением темноты меня охватывает страх... Я напряженно жду воя сирены, который, я знаю, неизбежно должен наполнить своими жуткими звуками воздух, весь город, все его уголки»¹⁸. Звуки страшили, побуждали к действию, когда люди слышали, как сыплются стекла, с грохотом рушатся одним за одним этажи домов, страшно кричат пострадавшие — и снова наступают тишина и неизвестность.

Первой блокадной осенью сирены стали практически ежедневными и еженощными. Продолжавшиеся от 5 минут до 6 часов воздушные тревоги звучали порой едва ли не ежечасно. За время войны радио предупреждало о воздушной тревоге 649 раз, столько же раз прозвучал сигнал «отбой воздушной тревоги»¹⁹. Последнюю, продолжавшуюся 15 минут, ленинградцы услышали в октябре 1943 г.²⁰ «Сегодня было восемь тревог <...> Минуты проходят в томительном ожидании зловещей сирены, когда надо будет идти вниз, сидеть в “убежище”, прислушиваясь к взрывам бомб и ожидая того момента, когда от бомбы рухнет наш дом. Только что успела записать — завывла сирена»²¹. О бесконечных налетах, вое сирен, которые «воют без конца»²², изматывают, не дают спать, свидетельствуют многие блокадники. «Вой сирены я ненавидела всю войну. Он давил, угнетал, бил по мозгам, казалось, что внутри что-то разрывается. Иногда я не выдерживала, зажимала уши или даже выключала радио»²³.

В течение двух лет и четырех месяцев город жил в состоянии постоянного страха перед возможным бомбовым ударом, увертюрой к которому были сирены. Часто сигнал опасности начинал звучать совершенно внезапно: «...когда объявить тревогу у дикторов не было времени, по радио неожиданно начина-

ла выть сирена»²⁴. Горожане так характеризовали эти звуки: «...со всех сторон одновременно заголосили сирены»²⁵, «ненавистный вой»²⁶, «отвратительный по звуковой гамме»²⁷, «заунывные звуки»²⁸, «адский вой». Звуки тревоги сменялись звуками отбоя, которые успокаивали, становясь «чудесной музыкой»²⁹, «любимой мелодией»³⁰, «победной музыкой»³¹. «Когда радио разносило отбой — “тра-та-та, тат-та”, все говорили: “Райская музыка!”»³². «Отбой тревоги передавался по радио приятной и успокаивающей мелодией, она игралась на трубе и была для всех самой лучшей и самой сладкой музыкой, всё сразу же забывалось, все страхи, все ужасы»³³. Однако покой длился недолго: сирена звучала снова. «Только что опять сладкие звуки фанфар, музыка 1941 года — отбой воздушной тревоги, не знаю уж которой за нынешний день. Вот прошло пять минут, опять тревога, воют сигналы, протяжно и заунывно — сирены, гудки...»³⁴

Акустическое многоголосие блокадного города складывалось в определенную последовательность: «В обычный шум города врезался сигнал сирены “Воздушная тревога”, его дублировали гудки фабрик, заводов, пароходов, паровозов. Весь город замирал... транспорт останавливался, и становилось тихо-тихо, только звуки приближающихся самолетов и нарастающая канонада зенитных орудий, булькающие трели зенитных автоматов, сопровождаемые завыванием пикирующих бомбардировщиков, грохот разрывов бомб и снарядов были общим звуковым фоном города»³⁵. «Адская музыка» «жужжания» немецкого «шмеля» была для поэта А. П. Крайского «цветочками»³⁶. За этим вступлением следовал вселявший ужас грохот бомб и снарядов. Некоторые блокадники описывали звуковую картину Ленинграда в музыкальных терминах: «Снова звеня падают осколки и слышен низкий рев моторов, теперь уже другого тембра. Это, наверное, наши истребители. Сквозь грохот доносится сухая деревянная дробь пулеметной очереди»³⁷.

Ленинградцы не только слышали сирены, но поначалу сами воспроизводили эти звуки, запуская специальные ручные устройства. «Дежурные выносили сирену на улицу, крутили ее ручку, — вспоминает о первых двух месяцах осады И. В. Исси, — и она начинала издавать противные громкие звуки, похожие на тоскливый вой крупного голодного хищника»³⁸.

Внешние звуки — звуки обстрелов, бомбежек, сирен ощущались физически: «Как только отыграет тревогу сирена, сразу же, даже находясь в здании, слышится это отвратительное жужжание, затем начинают стрелять зенитки, затем свист и глухой, тяжелый удар в землю, толчок разрывающейся бомбы передается через землю. Удар ощущается, прежде всего, ногами»³⁹. «Если бомба падает близко, то фундаменты близ расположенных домов ходят ходуном, стены сотрясаются, стекла звенят»⁴⁰. Тело ленинградки рождало острую и отчаянную реакцию: «Звуки сирены причиняют мне физическую боль, они раздражают кожу, вызывают яростную злобу. Слыша сирену, мне хочется сжаться в комок, покрыться какой-нибудь скорлупой, заползти в щель, погрузиться в бесконечный сон»⁴¹.

Художник Т. Н. Глебова описывала свои эмоции так: «Ленинград хорош, город как музыка; да, это было до 8 сентября; он действительно стоял целый, прекрасный, и всё вокруг так замерло, как перед грозой. И вот началось, ворвались эти страшные звуки, зашатались и посыпались многоэтажные дома. Теперь страшно, теперь уже это не музыка, а ужасный гул, на фоне которого голод просачивается и поет свою песенку»⁴². Тревога и смертельная опасность заглушали главное чувство — голода — которое испытывала блокадница. Однако организм безжалостно напоминал о нем и его «музыке».

«То, с чем я так боролась, что так ненавидела, что отравляло мне жизнь и работу... теперь было моей мечтой»

Неизменным звуковым сопровождением осады для многих горожан стало радио. К началу войны в Ленинградской городской радиотрансляционной сети имелось 1172 уличных громкоговорителя, 458 тыс. радиоточек⁴³. «Черные “тарелки” висели в каждой квартире, почти в каждой комнате»⁴⁴. «Репродукторы, установленные на улицах, не выключают круглые сутки»⁴⁵. «У нас в комнате на стене висел репродуктор, большая “тарелка” из серой бумаги. Чаще всего из репродуктора слышалось: “Говорит штаб местной противовоздушной обороны города, воздушная тревога! Воздушная тревога!” — и звук сирены. Потом наступала тишина, только метроном быстро и нервно стучал. Примерно через полчаса-час звучало: “Отбой воздушной тревоги!” и радостная музыка: таа-та-та-тааааа-та-та-та-тааа-тааа-тааа-тааа-таа. Других передач было мало, невеселые новости, а музыка, почему-то чаще всего Марш Черномора из оперы “Руслан и Людмила”»⁴⁶.

В течение всей войны и блокады радио было призвано предупреждать об опасности авианалетов, артобстрелов, сообщать о самом главном — продовольственных нормах. «То, с чем я так боролась, что так ненавидела, что отравляло мне жизнь и работу, — радио! — теперь было моей мечтой. Мне нужно было знать начала и концы воздушных тревог, военные новости, сводки. Без телефона радио было необходимым»⁴⁷. В период блокады, несмотря на разрушения, радио не прекращало своей работы круглые сутки⁴⁸. Хотя, по свидетельствам многих блокадников, в январе 1942 г. радио не работало или его не было слышно⁴⁹.

В период блокады в городе была введена подача сигналов метронома во время воздушной тревоги (частый ритм 120–150 ударов в минуту) и во время отсутствия нормальных радиопередач (ритм 55–60 ударов)⁵⁰. Общим местом стало утверждение, что темп работы ленинградского метронома соответствовал частоте биения сердец горожан — ускоренному во время тревог и относительно спокойному в их отсутствие. Стук метронома означал, что радио работает. Это помогало человеку справляться с глубоким одиночеством и тоской. «Метроном. Это был мой друг и моя любимая музыка. Он работал в течение всей блока-

ды ночью, вместо радиовещания. Как сладко я засыпала под мерный ход этого друга!»⁵¹ Радио поддерживало, а порой определяло морально-психологическое состояние многих блокадников, говорило со всеми вместе и с каждым в отдельности. Оно оберегало и утешало, сохраняя в ленинградцах ощущение совместности, противостояло смертельному безмолвию, акустическому хаосу войны.

Впрочем, не следует преувеличивать эмоциональное значение радио для обычного блокадника на пике тягот. Большинство ленинградцев, представляется, страстно хотели услышать сообщения о повышении норм продажи продуктов питания, наступлении советских войск и снятии осады — источника всех бед. Таких радиоизвестий блокадникам пришлось ждать слишком долго.

«Часы прилетят»

В отличие от авианалетов, о которых предостерегали сирены воздушной тревоги, артиллерийские снаряды часто обрушивались внезапно: в начале войны об опасности обстрелов ленинградцев не предупреждали. За время войны только по радио было передано 3027 сообщений о начале артиллерийского обстрела⁵². Блокадники в определенной мере привыкли к немецким артобстрелам, могли даже следить за ними: «Слышны все три звука: выстрел, свист снаряда и разрыв. Обстреливали район, как по шахматной доске. Перелет, недолет и затем бух в ближайший пункт»⁵³. Полет вражеского снаряда в сознании и памяти горожан напоминал горожанам шелест, шуршание. «И вдруг! ...Шелест! В небе настоящий шелест. Не очень громкий. Протяжный. Повторяется и повторяется. Никогда не слышал такого звука. <...> “Эти снаряды, — сказала мама. — <...> Сейчас надо бежать что есть силы»⁵⁴. «Снаряды летели сверху над нами и создавали шуршание, похожее на шелест листьев при ветре»⁵⁵.

Постепенно бомбежки и артобстрелы превратились в рутину, стали повседневностью. Это было связано, в частности, с педантичностью врага: «Кто-то из ребят спросил, который час. Ему ответили: “Часы прилетят”. Так оно и случилось. Немцы были до противного пунктуальны»⁵⁶. «Все ожидали “тревоги” в “установленное время”. Так и случилось. В 12 часов началась ВТ. Длилась она вновь пять часов. В полной тишине было сброшено большое количество фугасных бомб»⁵⁷. В бомбежках и артобстрелах «по расписанию» был не только педантизм, но и изуверский расчет на большее количество жертв: в вечернее время происходили пересменки, и на улицах было больше людей. Те же, кто был дома, совершали давно выученный ритуал: «...торопливо гасили керосинки, прятали недоваренный ужин в ватное одеяло, одевались, брали маленькие рюкзачки с самым необходимым... и спускались со своего этажа на первый»⁵⁸. Однако педантичность, повторяемость действий врага не притупляла чувства и реакции горожан, формировала набор ожиданий, порождала ритуальность ответных действий, люди учились «готовиться» к бомбежке.

«Это самая страшная тишина»

Осенью 1941 г. постепенно прекращали работу предприятия, замирал городской транспорт. Исчезли слышавшиеся до войны паровозные гудки, автомобильные клаксоны. Меньше становилось людей, а оставшиеся горожане становились всё более молчаливыми. Тишина плотно окутывала город. Отсутствие привычного городского шума угнетало и пугало, о «полной», «страшной», «обманчивой», «мертвой» тишине блокадники писали часто. «Страшное впечатление производит город, когда останавливаются трамваи. Ведь они — его главный нерв. Стоит гнетущая тишина, не прерываемая звонками трамваев, и по улицам молча шагают понурые люди»⁵⁹. «Страшная тишина на улицах и в домах», — записала в январе 1942 г. хореограф В. С. Костровицкая⁶⁰. «Не дымят трубы фабрик, не слышно заводских гудков. Город — замер. Жизнь парализована» (3 февраля 1942 г.)⁶¹. Через месяц тот же блокадник вновь пишет: «Пока город мертв. Темно, тихо, безлюдно на его улицах, перекрестках и площадях. Вы не услышите смеха на улицах, не увидите улыбок на лицах пешеходов»⁶².

Непривычное безмолвие озадачивало и удручало фронтовиков, оказывавшихся в городе. Когда артиллерист С. Г. Миляев, защищавший город, как он пишет в своем дневнике, пришел к семье в Ленинград, «Город смерти встречал и провожал трупами, темнотой, грязью, тишиной, зловещей тишиной»⁶³.

На пике осады тишина стала всеобъемлющей. Исчез не только привычный городской шум, который слышало большинство горожан. Не стало звуков повседневной домашней жизни. Не было слышно голосов детей, щебетанья птиц, лая и т. д. Общение людей также стало малозаметным: «Медлительные, погруженные в угрюмую сосредоточенность, ленинградцы разговаривали вполголоса»⁶⁴. «Наш, когда-то шумный, крикливый дом затих. Каждая квартира замкнулась в себе. Во дворе не играют дети, не судачат кумушки, никто не пилит и не колет дров... Когда идешь по лестнице, кажется, что двери квартир закрыты навечно, и что жильцов за этими дверьми нет. Во всем тоскливая тишина и обреченность»⁶⁵. Затихли промышленные предприятия. «Завод мертв. Цеха стоят в безмолвии. Не слышно веселого и бодрого шума станков... Темень, гробовое молчание...»⁶⁶ «Никак не привыкнуть к кладбищенскому молчанию громадных цехов»⁶⁷.

Даже первой блокадной весной Ленинград не стал звучнее: «Солнышко грело по-весеннему. Но на улице не было слышно ни человеческих голосов, ни птичьего щебетания. Город встречал весну тишиной»⁶⁸. «Прежде всего хочется отметить тишину на улицах. Народа очень мало, машины ходят редко», — записал 9 мая 1942 г. А. Т. Кедров⁶⁹. «Тишина, тишина. Солнце. А кругом мертвый замерший город. Милый, родной, несчастный»⁷⁰. «Выхожу на пустынный проспект. Иду всё медленнее и в меня постепенно приникает яд белой ночи. Немота. Безмолвие. <...> и снова вибрирующий свет и тишина. Есть что-то нар-

котическое в белых ночах. Кажется, остановился извечный ход мира. В этих ночах много тишины, но нет покоя. Нервы натянуты, как тетива лука. Неприятно, но странно взвинчены чувства. И порой уже кажется, что вокруг уже не город, не явь, а немой окаменевший крик, длящийся без конца» (29 мая)⁷¹. «Город тих, словно уже вымер весь. Нет трамвайного шума. Радио не кричит, люди молча проходят, как автоматы, лишь редкие машины нарушают покой улиц обреченного города, ...тупо и равнодушно проходят мимо завтрашние мертвецы»⁷².

Соединение тишины и грохота казалось диалогом, который вел Ленинград и осаждавший его враг. «Всё вокруг загрохотало, засвистало, посыпались стекла, полетела штукатурка, пыль поднялась столбом. <...> С свистящим визгом летели снаряды, казалось, всё это над твоей головой, и живешь ты последнюю минуту... Трах-тах-тах-ах! Это где-то возле нас вонзился снаряд. Дзынь! инь! инь! Дзынь! Это сыпятся стекла. <...> Всё на секунду смолкло, только пыль дымится на улице. Это самая страшная тишина»⁷³.

Желанное прекращение грохота пушечных выстрелов, бомбовых раскатов не приносило облегчения. Тишина настораживала, пугала, «больно давила»⁷⁴. «Когда артиллерийская дуэль умолкает, тишина кажется невыносимой. Она словно обволакивает мозг свинцовой пеленой, давит на сердце. Нет, уж лучше гром орудий, пламя пожаров, чем эта отравленная голодная тишина!»⁷⁵ «Когда не было стрельбы, — вспоминала балерина О. Г. Иордан, — в самой тишине настороженного города было что-то зловещее»⁷⁶. «Когда нет обстрела, в городе изумительно тихо. Пройдет трамвай, проедет машина, и опять тишина. <...> Иногда эта тишина покоряет и пленяет, но часто она тревожит, точно за ней притаилась какая-то опасность»⁷⁷.

Наконец, тишина была напрямую связана со смертью, скорбным обрядом, усугубляя горестное состояние блокадника. Причем реакция на смерть близкого человека тоже была беззвучной — на слезы и причитания у смертельно голодных людей не было ни физических, ни эмоциональных сил.

Непривычная для большого города тишина порождала странные и химерические ассоциации: «Кажется, что всё это какое-то наваждение, сон, недействительность, страшный белый мороз без жизни, без движения и без звука, иногда в течение довольно долгого времени. Не знаешь, не ощущаешь — живешь ты-то сам или это неведомое фантастическое небытие»⁷⁸. Более того, порой безмолвие оказывалось главным ощущением, оставшимся от катастрофы: «Блокада являлась мне тишиной, такой тишиной смерти и запустения, что кричать хочется. Грохот обвалов, разворачиваемой металлом земли — не в счет. Звуков жизни не было»⁷⁹. «Лето 1943 года, мы идем по городу с мамой. <...> От гробовой тишины мороз по коже. <...> И эта жуткая тишина до сих пор действует на меня ужасно»⁸⁰.

«Внутри всё холодело, сжималось, и казалось, что на тебя сейчас обрушится что-то неотвратимое, кошмарное»

Звук падающих бомб вызывал сильнейшее психологическое напряжение, поскольку целью вражеских бомбардировок были не только военные объекты, промышленные предприятия, административные центры и транспортные узлы, но обычные ленинградцы и воздействие на их морально-психологическое состояние. Так же как бомбы и снаряды, голод и холод, звук по намерению врага должен был усугубить неуверенность, страх, подавить волю к сопротивлению, заставить смириться с захватом города.

Более того, для усиления звукового аккомпанемента налета, для создания особого психологического эффекта вражеские летчики, по мнению блокадников, применяли специальные средства. «Немцы специально сконструировали стабилизатор, издающий при падении устрашающий вой»⁸¹. «Глумясь над нами, фашистские бомбардировщики включали стоящие на борту самолетов сирены, и этот страшный, леденящий душу вой был тягостным. Применяли они и другие методы психической атаки: сбрасывали иногда пустые железные бочки или листы железа, которые также в полете издавали сатанинский вой»⁸². «Как потом выяснилось, чтобы добиться такого устрашающего звука, немцы подвешивали на выхлопные трубы двигателей самолетов ...специальные устройства»⁸³. «И не знаешь, что сбросят: бомбы или пустые железные бочки, — вспоминала Т. П. Мильянович. — Ох, как они гудели и выли. Ужас!»⁸⁴ Эти звуки «напрягали нервы, — по свидетельству В. С. Новикова, — до предела»⁸⁵, «сводили с ума»⁸⁶. Психологические звуковые атаки достигали своих целей: «...впечатление было такое, что бомба падает прямо на тебя»⁸⁷. Такая эмоциональная реакция — что именно на твой дом вот-вот обрушится немецкая бомба — была очень распространенной.

Пугающий эффект производило соединение звука и света (от немецких осветительных ракет и советских прожекторов, «щупающих небо»⁸⁸). «Однажды мы проснулись от воя самолетов и оглушающего грохота стрельбы. Приоткрыли шторы. За окном оказалось очень светло. Осветительные ракеты густо висели на парашютиках, металась, перекрещиваясь, лучи прожекторов. Огромные пунктиром линии трассирующих пуль. Всё дрожало от грохота, тела самолетов с жутким ревом пронеслись над самыми крышами»⁸⁹.

Блокадники фиксировали свое предельно напряженное эмоциональное состояние. Сотрудник Эрмитажа М. С. Коноплева записала в дневнике: «Слыша приближающийся отвратительный свистящий звук сброшенной бомбы, каждый невольно спрашивает себя — кого? Кого погребет сейчас эта шальная бомба, брошенная вражеской рукой, не ведающей что творит? <...> В. К. Макаров сравнил наши сегодняшние переживания с переживаниями приговоренного к расстрелу»⁹⁰. «Внутри всё холодело, сжималось, и казалось, что на тебя сейчас обрушится что-то неотвратимое, кошмарное. Раздавит, задушит, а ты всё еще

будешь жить под этим жестоким чудовищем»⁹¹. «Состояние мое дошло до точки. Я галлюцинирую. Каждый сходный и несходный звук мне кажется то жужжаньем, то визгом, то грохотом. Но и без внешних звуков в ушах у меня иногда жужжит бомбовоз, иногда слышится тревога»⁹².

Сильнейшее душевное волнение, связанное с угрозой гибели, с одной стороны, снижало способность блокадников адекватно реагировать на опасность, понимать последствия своего поведения, с другой — парадоксальным образом не вызывало страха, парализующего необходимые для спасения действия. «Небо совсем чистое, а коршуны летят. Остановить их, очевидно, невозможно. У меня начинается самое худшее — равнодушие»⁹³.

«Тишину города нарушают только сирены воздушной тревоги, стрельба зениток, разрывы снарядов, — вспоминал первую блокадную зиму кинооператор А. Л. Богоров. — Но люди уже не обращают ни на что внимания, не бегут, не прячутся, идут, с трудом передвигая ноги, глядя только перед собой»⁹⁴. «Ленинград привыкает и к обстрелам, и к воздушным налетам. Всё это повторяется ежедневно, чередуясь друг с другом. <...> И так 5–10, 12 раз в сутки»⁹⁵. «С декабря мы уже перестали бояться бомбежек, — вспоминает Е. Я. Добротворская. — Как-то мы пошли провожать папу, а на Среднем проспекте начался обстрел. Папа закричал: “Ложись!” А мама сказала: “Да что ты, здесь же грязно. Свистит — значит мимо”»⁹⁶. «Вой орудий, дрожание земли, звон стекол... Сердце уже устало сжиматься при всяком воздушном бое, так они часты. Деревенеешь и погружаешься в тяжелую дремоту»⁹⁷.

Вскоре апатия блокадников превратилась в привычку. «Вечером, собравшись вместе, мы переставали обращать внимание на стрельбу — казалось, она теперь нас не касается»⁹⁸. «Боящихся тревог почти не осталось, все они уехали», — записала 8 ноября 1942 г. школьный инспектор Л. К. Заболотская⁹⁹. «Теперь мы так привыкли к выстрелам, что даже не прерываем разговор, когда начинается обстрел. А год назад? Мы как юнцы бросались в траншею при первых звуках сирены» (январь 1943 г.)¹⁰⁰. Во время налетов вражеской авиации милиционерам не без труда приходилось заставлять жителей города уйти с улицы в убежище¹⁰¹.

О драматической и отчаянной ярости горожанки свидетельствует И. В. Исси: «На нашем участке работала дворником Христина — худая, черно-волосая и горбоносая женщина. <...> Работала она хорошо, жалоб на нее никогда и ни от кого не поступало, единственным ее недостатком была любовь к спиртному, но выпивала она в день получки и только по окончании работы, так что этот грех ей охотно прощали. В тех случаях, когда по радио объявляли о воздушном налете, а Христине уже удавалось, как она говорила, “клюкнуть”, Христина выбегала на середину Астраханской улицы и начинала проклинать Гитлера. Руки со сжатыми кулаками взметались над ее головой, она трясла ими и кричала (а голос у нее был очень сильным): “Дитер! Бешеный бесхвостый пес. Сдохни скорей! Чтобы детей у тебя не было, чтобы могилы тебе не было!”

Воздух сам был полон звуков — рев самолетных моторов, пулеметные очереди, разрывы зенитных снарядов. Сверху сыпался дождь осколков, и звонко, выбивая искры, ударялся о булыжную мостовую. А она с распущенными черными волосами, в длинной черной юбке металась посреди улицы в голубоватом свете прожекторов. <...> В то время ее поведение никому не казалось смешным, ее проклятия звучали жутковато, от них шел мороз по коже, а она сама в отблесках взрывов и прожекторов была похожа на фигуру греческой трагедии»¹⁰².

Вся жизнь блокадников сопровождалась звуками войны. Вопреки воздушным тревогам, бомбежкам, обстрелам ленинградцы продолжали работать, учиться, заниматься своими делами, поддерживавшими ощущение стабильности и даже мирной жизни. Сживатьься с опасностью помогала увлеченность научным исследованием, ответственность за других людей, повторение практик мирного, довоенного времяпрепровождения. Обстрелы сопровождали работу сотрудников Первого медицинского института, которые оставались в клинике с больными и ранеными¹⁰³. Под грохот бомб проводились защиты дипломных работ и диссертаций в университете¹⁰⁴, артобстрел сопровождал лекции по истории средних веков¹⁰⁵. Под звуки зениток девушки продолжали делать завивку в парикмахерской¹⁰⁶, пальба орудий, дрожание стекол не прервали концерт скрипача Д. Ойстраха¹⁰⁷. «Радио объявило обстрел. Я работала в огород[e]. Не хотелось уходить от начатой полураскопанной грядки. Превозмогая страх и прямо физическое отвращение к завывани[ям] снарядов, я продолжала копать. Снаряды сыпались градом с запада на восток. Всё внутри меня замерло, я съезжилась, но не уходила... Не запугаешь. Не боюсь. Не сдамся»¹⁰⁸. Бомбы не могли остановить повседневных забот, связанных с борьбой за существование: «На дворе, около угла нашего дома, разорвалась осколочная бомба, исковеркала глубокими рваными ямами кирпичную стену и вышибла у нас во всех квартирах оконные стекла. Температура была -10° , был вечер, и надо было как-нибудь устраиваться на ночь. Но не прошло и нескольких минут (бомбежка всё еще продолжалась), как со всех сторон слышались удары молотков людей, забивающих чем попало разбитые окна. Этот невинный, но настойчивый звук: тук, тук, тук... произвел на меня глубоко ободряющее впечатление. Как люди борются за жизнь!»¹⁰⁹

Можно сказать, что жизнь действительно побеждала страх: «Во время очередного (жуткого) обстрела я <...> уснула под гул громыхающих орудий. Сквозь сон я слышала, как дребезжали стекла, как вздрагивал до основания дом при каждом ударе, но усталость после ночи на дежурстве победила все виды раздражений, и я так крепко спала, что опоздала в столовку к обеду»¹¹⁰. «После дежурства на свежем воздухе я крепко проспала остаток ночи, даже не слыша ни стрельбы, ни зениток, ничего!»¹¹¹ Звуки войны, по свидетельству блокадника, «вросли в быт»¹¹².

Парадоксальным образом изменилось отношение блокадников к мирным звукам: «...ко всему привыкаешь, и при звуке выстрелов и разрывов снарядов

не вздрагиваешь, а вот в столовой уронили на каменный пол поднос, так половина обедающих соскочила со стульев»¹¹³. Привыкший к грохоту бомб и снарядов блокадник не узнавал звуков природы. «Ночью мы проснулись от страшного удара. Казалось, немец спустил нам тонновую бомбу. Но, в отличие от бомбы, не дрогнул, не шелохнулся дом, даже стекла не брякнули. Оказалось, гром! Самый настоящий гром с молнией и проливным дождем»¹¹⁴. Город как будто стал другим, неузнаваемым, удивлял ленинградцев неожиданными «невоенными» звуками: летом 1942 г. блокадница отмечает «огромное количество певчих птичек», «песня которых звенит на Садовой, на Большом пр., на Вас[ильевском] о[стро]ве, в Михайловск[ом] скверике и т. д.»¹¹⁵.

Звуки войны стали для людей настолько привычными, что тишина, особенно ночная, перестала быть желанной, напротив, казалась угрозой: «К вечеру пальба усилилась. <...> Я боюсь ночной полной тишины, тишины в темноте. Не раз ночью, высунув голову в форточку, напряженно прислушиваюсь. Всё ли тихо? Что это?»¹¹⁶

Ленинградцы привыкли существовать под аккомпанемент звуков войны, ставших частью повседневности. «Изредка обстрелы, — записал в дневнике врач И. В. Назимов в октябре 1942 г. — Но на них уже не обращаешь внимания. Привычка»¹¹⁷. Однако со временем эта привычка, став на время подобием обезболивающего для измученного, предельно уставшего и голодного человека, трансформировалась в иные эмоции. К некоторым ленинградцам начал возвращаться страх (видимо, одним из важных факторов была перспектива снятия блокады): «За спиной звук разрывов всё нарастает, несколько осколков с визгом пролетели мимо и шлепнулись в землю. Я иду как будто спокойно, но невольно по спине ползут мурашки, навстречу идет женщина, крестится и приговаривает “Спаси Господи, рабу твою грешную”»¹¹⁸. Вместе со страхом возвращалась и надежда. Несмотря на упования некоторых горожан, не остановило налетов и празднование Пасхи 5 апреля 1942 г., когда произошло календарное совпадение даты торжества католиков и православных христиан. «Однажды, мне кажется, это было 4 апреля 1942 года, была просто жуткая бомбежка. — <...> Я проснулась от того, что дом ходуном ходил, вой стоял ужасающий. А мама накануне еще сказала такую фразу: “Спи спокойно, сегодня бомбить не будут. Гитлер ведь тоже христианин”. Может, была Пасха, и поэтому мама так сказала. Но такой бомбежки я больше не припомню»¹¹⁹.

Надо сказать, что именно в апреле 1942 г., первой блокадной весной, когда ленинградцы надеялись на улучшение ситуации с обеспечением хлебом и на освобождение города от осады, немцы усилили бомбежки и обстрелы: «...город дрожал от выстрелов зениток, была чудесная погода, голубое небо. А ночью был своеобразный благовест, повторение, одним словом, пасхальная ночь»¹²⁰. «Совершенно небывалая канонада стояла сегодня ночью. С четырех до шести утра — нескончаемый шум, раскаты, разрывы, залпы»¹²¹. «Теперь бывает иной раз всё сразу — летают высоко они, внизу — наши (верно, не дают пикировать,

я так думаю), бьют зенитки и гремит обстрел из дальнобойных. Такая симфония, что жуть»¹²².

Акустическое пространство блокадного Ленинграда порождало у горожанина музыкальные ассоциации. «Возникал незабываемый звуковой фон военного времени. Ты одновременно слышал вой нескольких сирен, стрельбу зениток, перемещавшуюся вместе с летящими немецкими самолетами, звук моторов бомбардировщиков и истребителей, шаги одиноких прохожих на опустевших улицах, своего рода это была симфония войны»¹²³.

Звуковой масштаб войны был разным. Ленинградец слышал не только раскаты орудийной пальбы, свист, разрывы бомб и снарядов, которые ощущали все горожане. Блокадой звучало и то небольшое пространство, которое окружало человека. Звуки и безмолвие были общими и личными, порождали не только коллективную, но и глубоко индивидуальную травму, не отпуская блокадников, так же как фронтовиков. Блокада сохранялась в звуках, которые вновь и вновь возвращали в кошмар прошлого. «Шла по пустынным улицам, меланхолически обходила баррикады на Садовой, траншеи на Покровской площади, — записала в дневнике 19 апреля 1943 г. М. В. Машкова, — вспоминала около Сенной прошлогоднюю картинку: огромный грузовик, нагруженный сухими, черными, ободранными трупами. Грузовик быстро наполнился доверху и для этого потребовались только квартиры и подъезд одного дома»¹²⁴. Год спустя блокадница помнила: «До сих пор стоит в ушах отчетливый, твердый стук голов при укладывании мертвецов на машину»¹²⁵.

Война часто ассоциировалась у ленинградцев со звуками животного происхождения. Стараясь описать фоновую картину города, они часто прибегали к звукоподражаниям: «...я лежала в большой комнате, и мне безумно хотелось спать, а только и слышишь: зззззз-зззззз — самолет, как комар»¹²⁶, «взжзвжз... визгливое жужжанье аэроплана»¹²⁷. Звуки снарядов, орудий, бомбежек напоминают рык и вой диких зверей: «ночью опять громыхали орудия, глухо рычали гигантские дикие звери, готовые прорвать все преграды и ринуться на нас»¹²⁸, «с отвратительным волчьим воем проносятся над нами снаряды»¹²⁹. А. А. Ахматова, по свидетельствам интервьюируемых блокадниц панически боявшаяся бомбежек, называла звук падающей бомбы «воплем дракона»¹³⁰.

В противовес вражеской пальбе, представлявшейся ревом диких зверей, волков и драконов, стрельба зениток, установленных в разных районах Ленинграда, напоминала людям домашних животных: собак. «Хочется спать, но каждый раз будят зенитки. Так раньше они не били. Эти дни они стали особенно звучны, лающи»¹³¹. «Зенитка рывкнула овчаркой»¹³². «Зенитки так звонко “тявкали” по ночам во время вражеских налетов, что даже в нашем доме, в двух кварталах от (Юсуповского. — В. П.) сада, дребезжали еще не выбитые стекла»¹³³. Подобная метафоризация и «одомашнивание» звуков катастрофы, видимо, были призваны косвенно преуменьшить угрозу, сделать непостижимую ситуацию более понятной, логичной, выразимой.

«Бомба, свист которой ты услышал, тебя уже не убьет»

Во время блокады ленинградцы приобрели полезный, подчас жизненно важный навык распознавания звуков. Различение в акустическом хаосе войны «своих» и «чужих», «опасных» и «неопасных» звуков успокаивало, дарило надежду. Звуки своих и вражеских самолетов люди воспринимали по-разному. Если «плачущие»¹³⁴ немецкие бомбардировщики приближались с тяжелым, «мерзким подвыванием»¹³⁵, то легкий звук советских истребителей вызывал радость. «Прислушивались. Летели самолеты. “Это наши!” “Это они!.. Другой шум моторов”»¹³⁶. «Узнавали и радовались, когда появлялся быстрый, легкий звук наших истребителей»¹³⁷. Некоторые ленинградцы даже научились различать звуки разных моделей немецких самолетов: «...моторы бомбардировщика “Юнкерс-87” звучали как-то надрывно-прерывисто, а у “Мессершмидта-109” тональность была повыше и поровнее»¹³⁸. Однако не всем горожанам была дана способность различать «свои» и «вражеские» звуки: «Были такие, что могли по звуку определять, наш самолет или немецкий, я не могла»¹³⁹. «К сожалению, в многообразии орудийных звуков мы разучились (пожалуй, и не умели) отличать стрельбу своей артиллерии от фашистской»¹⁴⁰. Трудно сказать, насколько способность различения «опасных» и «неопасных» звуков войны (в частности, авиации) была действительно развита, а не являлась эмоцией, фактом скорее желательным, плодом страха, утверждением собственной проницательности (а значит, известного превосходства над врагом), абберацией памяти.

Способности к распознаванию звуков падающих бомб и снарядов, понимание их «поведения», умение разбираться в скорости звука и падения, интенсивности свиста бомб (Г. А. Владимирова)¹⁴¹, порой даже определять вес летящего снаряда¹⁴² обнаруживали у себя очень многие блокадники. «Скоро мы по звуку полета снаряда научились определять, куда примерно он летит»¹⁴³. «По свисту летящих бомб определяли, в какой стороне бомбежка»¹⁴⁴; «бомба, свист которой ты услышал, тебя уже не убьет»¹⁴⁵; «очень громкий шелест... такой звук издает близко летящий снаряд. Тот, который свистит, он не твой, он уже пролетел»¹⁴⁶; «сильный и жуткий свист означал, что бомба пролетит мимо»¹⁴⁷. Горожане довольно быстро научились различать артиллерийские дуэли, рутинные фронтовые обмены ударами и признаки крупных войсковых операций. К началу октября 1941 г. «мы уже легко различаем: звук разрыва фугасной бомбы, выстрелы зенитки, удар дальнобойного, свист бомбы, свист снаряда, падение кассеты с зажигательными бомбами»¹⁴⁸.

Эти знания носили важнейший прикладной характер, диктовали стратегии поведения: часто действительно спасали. Различение звуков своих и вражеских снарядов помогало понять, «по какой стороне улицы надо идти, когда можно идти, а когда надо обождать или спуститься в убежище»¹⁴⁹. Мать Л. Рейхерта записала в дневнике: «Если над головой летит первый снаряд, следи, в какую сторону он полетел, следи по звуку. И в ту сторону, куда он полетел, не ходи,

а иди, откуда он летел, и ничего с тобою не случится. Так и ходила я с двумя малолетними детьми и была всегда уверена почему-то»¹⁵⁰. «Я, когда шла по Кировскому проспекту, услышала свист снаряда, быстро зашла в подъезд и присела. На улице раздался взрыв, но дверь защитила меня. До сих пор, проходя мимо этой двери на Кировском, кланяюсь ей — она спасла мне жизнь»¹⁵¹. «Часто можно видеть женщин с детьми, идущих во время обстрела и только посматривающих, рвется ли шрапнель над головой или немного дальше. Если над головой, то уходят в подворотни. ...Придет ли психика людей в порядок и когда?»¹⁵² Последнее замечание — свидетельство обеспокоенности угрожающей гибелью привычкой, даже опасения за психическое здоровье сограждан.

В распознавании звуков войны важнейшей категорией был интервал, который завершался разрывом снаряда: «...если слышишь свист, значит, снаряд пролетел. Но ухо привычно следит за удаляющимся звуком до тех пор, пока он не завершался разрывом. Иногда интервал предельно краток, и резкий свист пресекается грохотом: снаряд упал поблизости»¹⁵³.

Категорию интервала глубоко анализирует Л. Я. Гинзбург: «Свист снарядов над головой — страшнее, но понятнее. Он знаменует два момента. Во-первых, вещественность, реальность присутствия — они действительно сейчас здесь над головой. Во-вторых, реальную протяженность, протекание в некотором настоящем (длительность свиста). Совсем другое — звук разрыва. Это неуследимо короткое настоящее, которое, дойдя до сознания, уже стало прошлым. То есть стало прошлым для него, для услышавшего звук. Для кого-то другого оно, быть может, стало началом новой ужасной действительности, страданий или концом всякой действительности. И выстрел мы воспринимаем в обратном порядке. Сначала звук, который уже знаменует собой, что мгновение кануло в прошлое, потом страх перед тем, что уже не может совершиться (это так же безумно и странно, как то, что по законам акустики мы сначала можем слышать звук разрыва, а потом — детонацию выстрела). Впрочем, оно может совершиться в следующее мгновение. Всё это состоит из звуков и интервалов между ними. И повторяемость звуков и интервалов слагается в особую протяженность, особого более объемного настоящего. При этом невозможно постичь, что опасным и смертельным является именно интервал»¹⁵⁴.

Умение верно истолковать звучание немецких самолетов, бомб и снарядов представляло собой важный психоакустический феномен, позволявший получать важную смысловую информацию и адекватно реагировать на нее.

«Грохот, свист, разрывы... А радио наяривает песни»

Звуковая атмосфера, в которой существовали обитатели блокадного города, представляла собой сложное акустическое и даже музыкальное явление. Между тем, на протяжении всей блокады в Ленинграде звучала настоящая музыка. В разное время горожане реагировали на нее по-разному. Это зависело

от многих обстоятельств: того, насколько характер музыки сочетался со звуками войны, с настроением, эмоциональностью человека, уровнем образования, степенью недоедания, изможденности и т. д.

В самом начале войны на улицах постоянно слышалась музыка военных оркестров, провожающих солдат на фронт¹⁵⁵. С октября 1941 г., в основном днем, по воскресеньям, Ленинградская филармония проводила концерты¹⁵⁶. 5 октября днем в филармонии открылся новый концертный сезон. В смешанной программе рядом с оперными ариями и балетными номерами стояли сцены из оперетт, сольная инструментальная музыка, фортепианный дуэт¹⁵⁷. Через неделю, 12 октября состоялся первый в сезоне симфонический концерт. Оркестр под управлением К. И. Элиасберга исполнил увертюру к опере М. И. Глинки «Иван Сусанин», «Дубинушку» Н. А. Римского-Корсакова и «Эй, ухнем!» А. К. Глазунова, а во втором отделении — пятую симфонию П. И. Чайковского. В следующее воскресенье в Большом зале Филармонии устраивался балетный утренник, а в воскресенье 26 октября — второй симфонический концерт из произведений Чайковского¹⁵⁸. Две недели спустя, 9 ноября, в филармонии исполнялась Девятая симфония Л. Бетховена. Сам факт открытия нового музыкального сезона в городе, уже месяц находившемся в осаде, свидетельствовал о том, что горожане, и, в частности, музыканты не хотели бояться и унижать себя страхом. Филармонические концерты продолжались до января 1942 г.

Концерты посещало немало горожан. Однако значительно большее количество ленинградцев могли слышать музыкальные радиопередачи, которые блокадники воспринимали по-разному. «Грустная» музыка (например, произведения Ф. Шопена) воспринималась обычно как более уместная, соответствующая морально-психологическому состоянию ленинградцев. Она успокаивала и обнадеживала. «В установленных вдоль набережной мощных репродукторах надсадно заскрежетало, — описал А. Крон звуковой фон Ленинграда первой блокадной осени. — <...> Метроном постучал немного, а потом, как колдун, ударившись оземь, обернулся музыкой: из глухого рокота виолончелей возникла широкая певучая фраза солирующей валторны. Передавали анданте кантабиле из Пятой симфонии Чайковского, эту симфонию часто играли по радио. <...> Гибкий, чуточку гнусавый, вибрирующий голос валторны ворвался в хмурое безмолвие осажденного города, как теплое течение в ледяные воды океана»¹⁵⁹.

Хирург Е. П. Глинская записала в дневнике: «По радио чудесная музыка — Шопен, сейчас виолончель уносит мысли в другой мир, далекий от суровой и страшной реальности»¹⁶⁰. «Домой я шла успокоенная, радио передавало концерт, грустная музыка плыла повсюду в тишине лунной ночи»¹⁶¹.

Впрочем, радиомызыка лишь на время ослабляла оковы осады. «Иной раз по радио звучит скрипка, нежная, певучая, душу выворачивающая наизнанку. Слушая ее, забываешь обо всем. Или поет мягкий женский голос, исполняющий задумчиво-грустные романсы Чайковского, раздаются дорогие пушкинские слова. Ты увлечен, захвачен, околдован музыкой, незаметно разжимаются

тиски, которые уже десять месяцев непрерывно сдавливают твою голову. И в этот самый момент музыка вдруг переходит снова в завывание. Злой дух войны настиг тебя и, издеваясь, орет: “Я здесь! От меня не уйдешь, не спрячешься, не отвернешься!..” Опять война, и нет ей конца»¹⁶².

Мажорная, жизнерадостная музыка, которую передавали по радио, часто казалась ленинградцам не просто неуместной, но издевательской. Такие настроения наблюдались с осени 1941 г. и сохранились, периодически возникая, до осени 1943 г. «Воздушных налетов <...> не было, зато почти все эти два часа не прекращался артиллерийский обстрел... Но жуткое было не в этом. Самое жуткое было — радио, которое на этот раз, праздника для, не только не было выключено, но позволило себе “разговестись” — передавало легкую музыку: опереточные арии, фокстроты. “Частица черта в нас // Заключена подчас...””. Эта частица черта не могла заглушить ни воя ветра, ни грохота канонады, ни тех горьких мыслей и чувств, которые одолевали человека»¹⁶³. «Бравурная веселая музыка» вместе с «мерно тикающим метрономом» сливались в одну линию, в одно состояние мертвенного равнодушия ко всему¹⁶⁴. «Грохот, свист, разрывы... А радио наяривает песни»¹⁶⁵.

Почему многим, видимо, прежде всего интеллигентным горожанам это казалось неуместным и несвоевременным? Бравурная, веселая музыка, звавшая радоваться жизни, и звуки войны, обещавшие смерть, соединяясь, создавали выразительный контрапункт, который очень сильно воздействовал на многих, угнетал, приводил в отчаяние. Такой контрапункт как будто еще сильнее высвечивал катастрофическое положение ленинградцев — особенно ярко его ощущали люди эмоциональные, восприимчивые, образованные. Человек, находившийся в крайней степени истощения, усталости, нервного напряжения, чувствовал себя частью грандиозной трагической постановки, созданной равнодушным, даже циничным автором. Немаловажным фактором здесь, безусловно, была физическая природа источника звука. Радость, жизнь — далекая абстракция. Смерть, горе — близкая, не опосредованная ничем повседневность.

Весной 1942 г., в период больших надежд, несложная, доступная для восприятия музыка могла вызывать у горожан благоприятные отклики. «В передачах стало больше легкой музыки, стихов. Появился Утесов. Появились фокстроты, фелъетоны. Но тут уже было и весеннее солнце, и потому всё это было теперь уместно»¹⁶⁶.

«Это салют, я знаю, и мучительное, тошнотное чувство сжимает сердце»

После прорыва блокады ленинградцы продолжали слышать войну. «Вечером я сажусь за мой письменный стол: назойливо, уныло свистят снаряды, мешая сосредоточиться, и я слышу, как хрустят стены города — враг ломает мой

прекрасный город, увечит его. Нет ничего печальнее и душераздирающее этих звуков»¹⁶⁷. «Город по-прежнему во власти различных шумов: близких и резких, глухих, раскатистых и далеких»¹⁶⁸. «Воздух сотрясался тяжелыми волнами. Весна уже окутала весь сад прозрачным зеленым кружевом. На заре изредка робко насвистывали маленькие радостные птички. Мирно дышалось бы здесь, если бы замолкло навсегда отвратительное завывание сирены, если б забылся рокот тяжелых орудий, если б не жужжали над головой самолеты»¹⁶⁹.

Блокадники стали отвыкать от бомбежек, прекратившихся в октябре 1943 г. 14 января 1944 г. ленинградцы наконец услышали долгожданную «музыку возмездия», в которой «было всё: и грозный гнев, и торжество справедливости, и радость освобождения»¹⁷⁰.

Однако даже после этого немецкие снаряды продолжали обрушиваться на город. Более того, ленинградцы еще в течение нескольких дней были свидетелями оглушительных артиллерийских дуэлей. «Среди ночи проснулся от совершенно невообразимого гула. <...> Грохот стоял титанический. Казалось (не преувеличиваю), что вот-вот от сотрясения воздуха рухнет, рассыплется громада Исаакиевского собора. А на улице — хоть бы что. Три девочки-школьницы бежали (то есть не бежали, а шли вприпрыжку), размахивая сумками и портфелями. Одна поотстала, у нее расстегнулось что-то — ботик или сумка. Застегнув, она, весело напевая, кинулась догонять подруг. <...> На Невском у ворот стояла молодая женщина с грудным младенцем на руках. Ярко-синее шелковое одеяльце, белое кружево. А над головой женщины, пересекая Невский, летели, повизгивая, снаряды...»¹⁷¹ «Всю ночь бухали наши орудия. <...> С утра пальба возобновилась, но уже не с такой силой, как это было вчера. Днем пальба продолжается, но уже с большими перерывами»¹⁷². Враг возобновил «жестокий обстрел города. Палит и наша артиллерия. В гуле не разобрать, кто стреляет»¹⁷³.

Это были финальные аккорды пушечного противостояния осады. Однако уставшие ждать ленинградцы по-прежнему опасались: «Сегодняшний ночной и дневной арт[иллерийские] обстрелы произвели на население города гнетущее впечатление, т[ак] к[ак] после ураганного огня нашей артиллерии <...> никто не ожидал, что враг будет в состоянии обстреливать город»¹⁷⁴.

Незадолго до полного снятия блокады, 22–24 января 1944 г., в Ленинграде вновь стало не слышно войны. «В городе непривычно тихо. Вчера вечером видел красные вспышки — где-то в направлении Пулковка. Но грохота, даже отдаленного, уже не слышно»¹⁷⁵. «Сегодня в городе совсем тихо»¹⁷⁶.

Наконец настал последний день осады, громкие звуки которого пугали и радовали. «Слышу сильную канонаду. Как я мыслил? “Ну, сволочи, фашисты, все силы собрали, конец городу...” Я, конечно, не знал, что это началось наше наступление. А потом... — объявление по радио о том, что 27 января снята блокада»¹⁷⁷.

Блокада заканчивалась так же, как начиналась — грохотом пушек. Уставленные на Марсовом поле и на берегах Невы — у Петропавловской крепости, на Стрелке Васильевского острова, на площади Революции (Троицкой

площади) и на Петровской набережной, пушки теперь обеспечивали звуковую поддержку торжественной стрельбы специальных «салютных» орудий. Артиллерийская пальба поначалу привычно страшила. В то же время салют, знаменовавший окончание блокады, был полон предчувствия победы в войне. Сбылось то, о чем ленинградцы так долго мечтали. «Ликование было настолько всеобщим, что я не припоминаю ни одного равнодушного, неулыбающегося лица. Только отдельные пожилые старушки сетовали, что звуки салюта слишком похожи на звуки еще не забытых обстрелов»¹⁷⁸.

Впрочем, салютная пальба рождала у части горожан не только безудержную радость, но и другие, более сложные и неоднозначные чувства. Для некоторых ленинградцев победные выстрелы пушек означали возврат того времени, повторения которого нестерпимо не хотелось. Парадоксальным образом блокада со всеми ее тяготами оказалась временем берггольцевской «свободы» и надежд, у которых не было оснований. «Это салют, я знаю, и мучительное, тошнотное чувство сжимает сердце. Вот сейчас ничего не могу с собой поделывать — совершенно то же ощущение, которое было при сильных обстрелах, никакие доводы разума и очевидности не помогают. <...> Это был и тогда не страх смерти, а что-то совсем другое, сознание беспомощности, возмущение и, может быть, подсознательный физический, вернее животный, страх. Животное, живая Божья тварь подсознательно протестовала. Так же она протестует против двадцатисемилетнего рабства, террора, запрета мысли, лжи и фальши, произвола. И неужели то же до конца дней? Мозг, всё, что есть в моем существе живого, протестует. Неужели этому талантливому, лихому, храброму народу нужен такой метод управления?»¹⁷⁹ Горожанку страшил не салют, но ощущение, что с его звуками возвращается ненавистное ей прошлое.

Звуковая история блокады совершила круг, вернувшись к началу, знаменуя для кого-то возобновление прежней несвободы. Однако для многих выживших горожан Ленинград, видимо, уже никогда больше не «звучал» так, как до войны и блокады. В травмированной памяти навсегда сохранилось драматическое многоголосье: вой сирен, гул и завывание самолетов, свист бомб, выстрелы орудий, шелест и глухие разрывы снарядов, звон стекол, грохот обрушения зданий, крики раненых, лай зениток, дрожь земли, стук метронома, голов при укладывании мертвецов, осколков зенитных снарядов по крышам, ликующая мелодия отбоя и «жуткая, гробовая» тишина. И сбывшиеся проклятия, выкрикнутые навстречу гибельному грохоту отчаявшейся женщиной из ленинградской трагедии. Весь этот акустический хаос и одновременно «симфония» и составляли звуковой образ осажденного Ленинграда.

Каждая часть этой симфонии имела собственный образ, свою динамику. В начале войны в мирную звуковую картину города вторгался пугающий, тревожный, но не возвещавший о реальной опасности вой сирен. В августе и первой блокадной осенью стали стихать звуки мирного времени и, напротив, добавился гул самолетов, выстрелы зениток, вой, свист бомб и снарядов, грохот

рушащихся зданий, крики людей. Какофония сменялась умиротворяющими сигналами медных труб. Очень часто после паузы вновь вступали мучительные и ненавистные звуки войны — знаки и преддверие гибели. Первой блокадной зимой установилось определенное равновесие. Гул, вой, свист и грохот сменялись мертвенной тишиной.

«Всю зиму исключительная непривычная тишина в городе (в воздухе), никаких звуков, шумов, ни лая собак, ни паровозных, ни автомобильных гудков, — записала блокадница в дневнике 5 апреля 1942 г. — <...> Звуки только военные: артобстрел, бомбы, пулемет, зенитки и т.п.»¹⁸⁰. Однако тогда же, первым блокадным апрелем, появились мирные звуки, столь радовавшие горожан: «Волшебной музыкой для всех ленинградцев стали трамвайные звонки»¹⁸¹. Впрочем и впоследствии, вплоть до снятия осады, постоянное соединение пронзительных звуков войны и мертвой тишины было акустической повседневностью опустевшего Ленинграда. В свидетельствах блокадников вербализована эта звуковая картина, эмоциональные реакции горожан, которые неоднократно обращались к акустической дихотомии войны и мира. Безмолвие и звуки войны противостояли друг другу и одновременно были неотделимы друг от друга в сознании, эмоциональной памяти.

Город, сущность которого обычно состоит в противопоставлении природе, в описаниях блокадников предстает естественным, а его звуки «идиллическими» и «чудесными». Это были звуки потерянного рая, которые, контрастируя со звуками войны, приобретали особую мучительную выразительность.

Совершенно особую роль звука обнаруживала ночь осажденного города: в недоступности визуальной реальности он приобретал доминирующее значение. Сирены, обстрелы, бомбежки масштабировали, организовывали город, создавая для каждого собственное чувственное и объемное пространство Ленинграда. Человек слышал вой, разрывы бомб, крики, перелет и недолет снарядов, и город в соответствии с этим приобретал индивидуальное пластическое измерение. Можно сказать, что в блокадном городе не только личный, внутренний порядок (к примеру, еда) стал для человека «делом интимным и жестоким»¹⁸². Звуковая картина прифронтного Ленинграда сделала очевидным тот факт, что городские расстояния, дома, этажи переходили в область внутреннего, глубоко личного — радость от затихающего звука снаряда, означающего перелет, ужас от ощущения, что именно в твой дом падает бомба, от близкого разрыва и облегчение от того, что смерть прошла мимо.

Акустическое пространство блокады было сложным, полифоничным, многозначным, первостепенно важным, одним из наиболее ярких, эмоционально обостренных компонентов ее сенсорной картины. Надо было вынести грохот бомбового удара, грозные колебания стен, пола, обрушение дома и различить еле слышное дыхание близкого человека, чтобы знать, жив ли? Безмолвие города казалось преддверием гибели. «Жестокое испытание» звуками и тишиной пугало, мотивировало поведение и продолжало преследовать.

- ¹ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). Дневники блокадных жителей из архива О. Ф. Берггольц // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники / [Отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова]. СПб., 2015. С. 154.
- ² *Грюнберг-Солдатова Л. И.* Пунктир моей жизни. М., 2009. С. 46.
- ³ *Маретин Ю. В.* Открытие книги // Из истории Кунсткамеры (1941–1945). СПб., 2003. С. 239.
- ⁴ *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 49.
- ⁵ *Богоров А. Л.* Записки кинохроникера. Время, запечатленное кинообъективом. Л., 1973. С. 152.
- ⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 36. Л. 4 об.
- ⁷ *Суворов Н. М.* Сирены зовут на посты. Страницы блокадного дневника. Л., 1980. С. 9.
- ⁸ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 398.
- ⁹ *Лыскова Р. Н.* Воспоминания о блокаде. СПб., 2013. С. 5.
- ¹⁰ *Бианки В. В.* Лихолетье: Дневники, воспоминания, письма. СПб., 2005. С. 31.
- ¹¹ *Иванов М. А.* Блокадный дневник ректора. СПб., 2014. С. 88.
- ¹² «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 160.
- ¹³ *Кондратьев Н. А.* Из писем и дневников // Крюков А. Н. Паду ли я, стрелой пронзенный? Опера и балет в осажденном Ленинграде. СПб., 2014. С. 269.
- ¹⁴ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 37, 38.
- ¹⁵ *Ходанович В. И.* Блокадные будни одного района Ленинграда. М., 2015. С. 135.
- ¹⁶ *Козлова Э. Е.* Жизнь человеческая. СПб., 2008. С. 134.
- ¹⁷ *Кольцова М. М.* Опаленные блокадой // Звезда. 2004. № 8. С. 112.
- ¹⁸ *Лелюхина С. Б.* Ленинградские записки // Блокадный дневник. [Электронный ресурс.] URL: http://Zes.ru/journal/index.php?ELEMENT_ID=16 (дата обращения 12.01.2012).
- ¹⁹ Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной / Сост.: Н. А. Борисова, Н. И. Лосич, О. В. Фролова и др. СПб., 2010. С. 65.
- ²⁰ Ленинград в осаде. С. 398.
- ²¹ *Базанова В.* Вчера было девять тревог... // Нева. 1999. № 1. С. 125.
- ²² *Лелюхина С. Б.* Ленинградские записки.
- ²³ *Готхарт С. И.* Воспоминания блокадницы // История Петербурга. 2005. № 6. С. 84.
- ²⁴ Там же. С. 84.
- ²⁵ *Катица П.* В море погасли огни. Блокадные дневники. М., 1974. С. 121.
- ²⁶ *Горьшина Т. К.* Воспоминания о блокаде и дороге жизни // История Петербурга. 2007. № 1. С. 72.
- ²⁷ *Ильинский И. М.* Великая Победа. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. С. 40.
- ²⁸ *Битнер А. А.* В семье врага народа поутру проснуться // Мы это пережили: сборник воспоминаний детей блокады немецкого происхождения / Сост. В. А. Коробова. СПб., 2003. С. 76.
- ²⁹ Дневник А. П. Крайского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. С. 46.
- ³⁰ *Григорьев В.* Звнящее биение метронома // Войной украденное детство (спешим сказать — пока мы живы): Сб. восп. СПб., 2011. С. 158.
- ³¹ Ирина Морозова. Ленинградский дневник медсестры фронтового эвакогоспиталя № 1170. 1941–1945 / Публ., вступ. заметка В. Саблина // Звезда. 2015. № 5. С. 53.
- ³² *Милова И. Ю.* Моя блокада // История Петербурга. 2009. № 1. С. 68.
- ³³ *Готхарт С. И.* Воспоминания блокадницы. С. 84.
- ³⁴ Из дневников Павла Николаевича Лукницкого // Перекрестки судеб. Воспоминания Лукницких / Сост. В. А. Лукницкий; науч. ред. Т. Е. Сохор. М.; СПб., 2014. С. 243.
- ³⁵ *Григорьев В.* Звнящее биение метронома. С. 138.

- ³⁶ Дневник А. П. Крайского. С. 62.
- ³⁷ Кулагин Г. А. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. Л.: Лениздат, 1978. С. 178.
- ³⁸ Исси И. Как мы выжили. Моя война, моя блокада... // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 3 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2016. С. 112.
- ³⁹ Янушевич З. В. Случайные записки. СПб., 2007. С. 12.
- ⁴⁰ «Черные дни черного 1942 года» (дневник учителя). Дневники блокадных жителей из архива О. Ф. Берггольц // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. С. 188.
- ⁴¹ Лелюхина С. Б. Ленинградские записки.
- ⁴² Глебова Т. Рисовать, как летописец. Страницы блокадного дневника // Искусство Ленинграда. 1990. № 1. С. 29, 30.
- ⁴³ Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной. С. 65, 113.
- ⁴⁴ Крюков А. Н. Ради спасения. Дети и музыка в осажденном Ленинграде. СПб., 2013. С. 86.
- ⁴⁵ Блатин А. Я. Вечный огонь Ленинграда. Записки журналиста. М., 1976. С. 32.
- ⁴⁶ Ратнер Л. Б. Вы живы в памяти моей. Воспоминания блокадного мальчика. С. 141.
- ⁴⁷ Фрейденберг О. М. Осада человека. Публикация К. Невельского // Минувшее: Исторический альманах. 3. М., 1991. С. 17.
- ⁴⁸ Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной. С. 65.
- ⁴⁹ Пянкевич В. Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014. С. 53, 54.
- ⁵⁰ Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной. С. 65.
- ⁵¹ Базан О. И. Патологоанатомическая служба в блокадном Ленинграде: Воспоминания. СПб., 2002. С. 56.
- ⁵² Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной. С. 65.
- ⁵³ Ползикова-Рубец К. В. Дневник учителя блокадной школы (1941–1946). СПб., 2000. С. 70.
- ⁵⁴ Лапин И. П. Время такое. СПб., 2007. С. 124.
- ⁵⁵ Зикеев В. «Я был обречен жить» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 5 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2018. С. 189.
- ⁵⁶ Книга живых. Воспоминания евреев — фронтовиков, узников гетто и нацистских концлагерей, бойцов партизанских отрядов, защитников блокадного Ленинграда. Кн. 1. СПб., 1995. С. 20.
- ⁵⁷ Иванов М. А. Блокадный дневник ректора. С. 49.
- ⁵⁸ Иванова Н. С. Верные адреса. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010. С. 82.
- ⁵⁹ Попова Н. «Блокадный дневник» Александра Немцева // Люди одной судьбы. СПб., 2005. С. 138.
- ⁶⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 157. Оп. 1. Д. 28. Л. 20.
- ⁶¹ Назимов И. В. Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 153.
- ⁶² Там же. С. 168.
- ⁶³ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб., 1994. С. 173, 175, 216.
- ⁶⁴ Бобров М. Записки горного стрелка // Люди одной судьбы. С. 5.
- ⁶⁵ Лелюхина С. Б. Ленинградские записки.
- ⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 24. Л. 14.
- ⁶⁷ Кулагин Г. А. Дневник и память. С. 211.
- ⁶⁸ Давыдова Л. Н. Я могла стать для кого-то «лакомой конфеткой» // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 182.
- ⁶⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 44. Л. 72.
- ⁷⁰ «Дневник стал потребностью...»: Дневник Е. А. Ворониной / Публ. Т. С. Царьковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. С. 335.
- ⁷¹ Кулагин Г. А. Дневник и память. С. 210, 211.
- ⁷² Глинская Е. П. «Удивительные люди эти ленинградцы» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2012. С. 160.

- ⁷³ Дневник Е. П. Крайской // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год. С. 88.
- ⁷⁴ Губина Д. Я оттуда, из блокады // Блокада и мы. Сборник воспоминаний. Киров, 2008. С. 216.
- ⁷⁵ Даров А. А. Блокада. М., 2012. С. 145.
- ⁷⁶ Без антракта. Актеры города Ленина в годы блокады. Л., 1970. С. 231.
- ⁷⁷ Ползикова-Рубец К. В. Дневник учителя блокадной школы. С. 189.
- ⁷⁸ Кузнецов С. С. Главы из книги воспоминаний // «Мы знаем, что значит война...»: Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. СПб., 2010. С. 73.
- ⁷⁹ Калинин Г. М. День един: рассказы и повести. М., 2010. С. 242.
- ⁸⁰ Кирсанова С. П. В первые дни блокады меня украли! // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 340.
- ⁸¹ Исси И. Как мы выжили. Моя война, моя блокада... С. 168.
- ⁸² Бернштейн А. И. Аэростаты воздушного ограждения в обороне Ленинграда. СПб., 2003. С. 36.
- ⁸³ Шервуд Л. Я. Как мы с мамой спасали отчий дом // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 762.
- ⁸⁴ Петроград, Ленинград в истории Красноярья в XX веке (по материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»). Сб. док-тов. [Электронное издание.] Красноярск, 2013. С. 70.
- ⁸⁵ Глезеров С. Е. Лисий Нос: люди, судьбы, эпоха. СПб., 2010. С. 166.
- ⁸⁶ Милова И. Ю. Моя блокада. С. 72.
- ⁸⁷ Мартемьянов А. И. Блокада началась // Юровский Е. М. Мы выжили в блокаду! СПб., 2004. С. 96.
- ⁸⁸ Крандиевская-Толстая Н. В. Дорога: Стихотворения. М., 1985. С. 147.
- ⁸⁹ Короткевич Л. И. Нам жизнь дана... Б. м., 2010. С. 10.
- ⁹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 368. Ед. хр. 1. Л. 73–75.
- ⁹¹ Казакова Ф. И. Елка 1941 года // Блокадные и фронтовые воспоминания ветеранов Приморского района Ленинграда. СПб., 2002. С. 36.
- ⁹² Дневник А. П. Крайского. С. 46, 47.
- ⁹³ Там же. С. 51.
- ⁹⁴ Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника. 1941–1945 гг. Документы и свидетельства. М., 2010. С. 171.
- ⁹⁵ Назимов И. В. Дневник. С. 135, 136.
- ⁹⁶ Добротворская К. А. Блокадные девочки. М., 2013. С. 70.
- ⁹⁷ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 165.
- ⁹⁸ Фриш С. Э. Сквозь призму времени. С. 264.
- ⁹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 30. Л. 12.
- ¹⁰⁰ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 168.
- ¹⁰¹ Машанский Ф. И. В ответе за жизнь людей // Медики и блокада: взгляд сквозь годы. Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. СПб., 1997. С. 30, 31.
- ¹⁰² Исси И. Как мы выжили. Моя война, моя блокада... С. 121, 122, 123.
- ¹⁰³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 268. Л. 19.
- ¹⁰⁴ Князев Г. А. Дни великих испытаний. С. 761.
- ¹⁰⁵ Эльяшова Л. Л. Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // «Мы знаем, что значит война...». С. 155.
- ¹⁰⁶ Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 629.
- ¹⁰⁷ Будни Подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах / Сост. В. М. Давид. СПб., 2006. С. 76.
- ¹⁰⁸ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 161.
- ¹⁰⁹ Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. М., 2003. Т. 3. С. 279, 280.
- ¹¹⁰ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 161.

- ¹¹¹ Ирина Морозова. Ленинградский дневник медсестры фронтового эвакогоспиталя. С. 46.
- ¹¹² Лукницкий П. На улице Плеханова // Пламя над Невой. Коллективная документальная повесть. Л., 1964. С. 350.
- ¹¹³ Неклюдова С. В. Записи // Ленинградцы. Блокадные дневники... С. 298.
- ¹¹⁴ Болдырев А. Н. Осадная Запись (Блокадный дневник). СПб., 1998. С. 306.
- ¹¹⁵ Блокадный дневник З. З. Шнитниковой: 2 сентября 1941 — 17 июля 1942 г. / Сост. Р. Б. Самофал // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 70.
- ¹¹⁶ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 160.
- ¹¹⁷ Назимов И. В. Дневник. С. 193.
- ¹¹⁸ Фирсенков И. П. Блокадный дневник. СПб., 2014. С. 220, 221.
- ¹¹⁹ Извекова К. В. Нас учили обращаться с бомбами // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 304.
- ¹²⁰ «...твой письма — документ незабываемого времени...» Из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист. 1942–1945 / Подг. текста, предисл., коммент. Е. Н. Груздевой. СПб., 2013. С. 62.
- ¹²¹ Иванов М. А. Блокадный дневник ректора. С. 111.
- ¹²² «...твой письма — документ незабываемого времени...». С. 69.
- ¹²³ Исси И. Как мы выжили. Моя война, моя блокада... С. 112.
- ¹²⁴ Машкова М. В. Из блокадных записей // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941–1945. СПб., 1995. С. 114.
- ¹²⁵ Там же. С. 114.
- ¹²⁶ Военный дневник Тани Вассоевич: 22 июня 1941 — 1 июня 1945. СПб., 2015. С. 58.
- ¹²⁷ Дневник А. П. Крайского. С. 40.
- ¹²⁸ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 160.
- ¹²⁹ Там же. С. 163.
- ¹³⁰ Добротворская К. А. Блокадные девочки. С. 102.
- ¹³¹ «Дневник стал потребностью...». С. 300.
- ¹³² Крандиевская-Толстая Н. В. Дорога: Стихотворения. С. 181.
- ¹³³ Петерсон В. А. «Скорей бы было тепло!» Воспоминания о первой блокадной зиме // Нева. 2001. № 1. С. 169.
- ¹³⁴ Шварц Е. Л. Позвонки минувших дней. М., 2014. С. 327.
- ¹³⁵ Горышина Т. К. Воспоминания о блокаде и дороге жизни. С. 72.
- ¹³⁶ «Дневник стал потребностью...». С. 291.
- ¹³⁷ Лапаева В. Г. У нас никогда в мыслях не было, что немцы могут победить // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 387.
- ¹³⁸ Благово Н. В. «Мы не были героями» // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 2 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2015. С. 108.
- ¹³⁹ Военный дневник Тани Вассоевич. С. 58.
- ¹⁴⁰ Иванов М. А. Блокадный дневник ректора. С. 111.
- ¹⁴¹ Ленинградские мадонны / Авт.-сост. Е. А. Тончу. М., 2010. С. 258.
- ¹⁴² Глезеров С. Е. Лисий Нос: люди, судьбы, эпоха. С. 166.
- ¹⁴³ Тарасов Б. В. Блокада в моей судьбе. М., 2012. С. 115.
- ¹⁴⁴ Ленинградская симфония в Мордовии / [Авт.-сост.: Н. М. Мирская, В. Н. Сафронова]. Саранск, 2010. С. 86.
- ¹⁴⁵ Горышина Т. К. Воспоминания о блокаде и дороге жизни. С. 72.
- ¹⁴⁶ Цит. по: Ходанович В. И. Блокадные будни одного района Ленинграда. С. 135.
- ¹⁴⁷ Казакова Ф. И. Елка 1941 года. С. 36.
- ¹⁴⁸ Абрамсон Б. П. Дневник войны // Звезда. 2011. № 8. С. 158.
- ¹⁴⁹ Базан О. И. Патологоанатомическая служба в блокадном Ленинграде: Воспоминания. С. 56.
- ¹⁵⁰ Память: Письма о войне и блокаде. Л., 1987. С. 412.
- ¹⁵¹ Воробьева Л. И. Лунные ночи войны // Откуда берется мужество. Воспоминания петрозаводчан, переживших блокаду и защищавших Ленинград. Петрозаводск, 2013. С. 76.

- ¹⁵² Дневник И. М. Чайко // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. V. Материалы к истории блокады Ленинграда. СПб., 2000. С. 87.
- ¹⁵³ *Крюков А. Н.* Ради спасения. Дети и музыка в осажденном Ленинграде. С. 86, 87.
- ¹⁵⁴ *Гинзбург Л. Я.* Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. М., 2011. С. 274, 275.
- ¹⁵⁵ Испытание: Воспоминания прихожан Князь-Владимирского собора о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. СПб., 2010. С. 49.
- ¹⁵⁶ *Крюков А. Н.* Паду ли я, стрелой пронзенный? Опера и балет в осажденном Ленинграде. С. 10.
- ¹⁵⁷ Ленинградская правда. 1941. 7 октября.
- ¹⁵⁸ Там же. 14 октября.
- ¹⁵⁹ *Крон А. А.* Дом и корабль: Роман. М.: Воениздат, 1974. С. 20.
- ¹⁶⁰ *Глинская Е. П.* «Удивительные люди эти ленинградцы». С. 168.
- ¹⁶¹ *Берхман В. К.* Записки оставшейся в живых // Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской. СПб., 2014. С. 219.
- ¹⁶² *Кулагин Г. А.* Дневник и память. О пережитом в годы блокады. С. 178.
- ¹⁶³ *Пантелеев А. И.* Из старых записных книжек // Пантелеев А. И. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Л., 1985. С. 355.
- ¹⁶⁴ *Глазунов И.* Россия распятая // Наш современник. 1996. № 2. С. 192.
- ¹⁶⁵ Дневник Е. П. Крайской. С. 111.
- ¹⁶⁶ *Кулагин Г. А.* Дневник и память. С. 198.
- ¹⁶⁷ *Берггольц О. Ф.* Лето сорок третьего года // Берггольц О. Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. Л., 1989. С. 225.
- ¹⁶⁸ *Иванов М. А.* Блокадный дневник ректора. С. 245.
- ¹⁶⁹ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы). С. 172.
- ¹⁷⁰ *Кулагин Г. А.* Дневник и память. С. 301.
- ¹⁷¹ *Пантелеев А. И.* Январь 1944. Из старого дневника // Пантелеев А. И. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Л., 1984. С. 156, 157.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ *Ползикова-Рубец К. В.* Дневник учителя блокадной школы. С. 224.
- ¹⁷⁴ Блокадный дневник Горшкова Н. П. С. 228.
- ¹⁷⁵ *Пантелеев А. И.* Январь 1944. Из старого дневника. С. 172.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 175.
- ¹⁷⁷ *Прокофьев Э.* Время блокадного братства // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 5 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2018. С. 174.
- ¹⁷⁸ *Масленикова В.* Детство в Яблоновке // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 4 / Сост. С. Е. Глезеров. СПб., 2017. С. 283.
- ¹⁷⁹ *Шапорина Л. В.* Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 450.
- ¹⁸⁰ Блокадный дневник З. З. Шнитниковой: 2 сентября 1941 — 17 июля 1942 г. С. 66.
- ¹⁸¹ *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1: Июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013. С. 572.
- ¹⁸² *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. С. 651.